

ФОНТЕНЕЛЬ XXI ВЕКА

(Рецензия на книгу *Engel P. Épistémologie pour une Marquise*. P. : Les Éditions d'Ithaque, 2011. 184 p.)

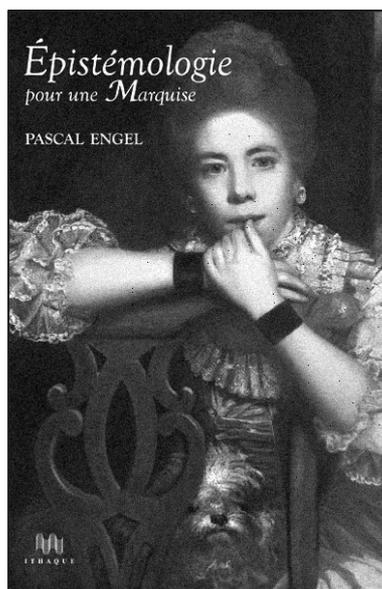
Т.Д. СОКОЛОВА

Сегодня во Франции издается большое количество популярной философской литературы, посвященной в основном типичным для современного человека экзистенциальным проблемам. Триада популяризаторов философии – Люк Ферри, Андре Конт-Спонвиль и Мишель Онфрей – предлагают читателям любого уровня историко-философской подготовки свои концепции «благой жизни» и способов достижения личного счастья. Однако «популярная» книга по эпистемологии, написанная профессиональным философом, – явление крайне редкое даже для Франции.

Паскаль Анжель (р. 1954), французский эпистемолог, получил образование в Париже, а в последние годы занимает должность преподавателя современной философии в Университете Женевы. В рамках франкофонного философского сообщества Анжель позиционирует себя как приверженца аналитической философии, что нашло отражение и в книге «Эписте-

мология для Маркизы», где автор дает обзор современных эпистемологических концепций в форме диалогов и писем между шевалье д'Э*** и маркизой д'У***.

Несмотря на то, что эта книга не является в полной мере ни учеб-

ником, ни самостоятельным исследованием по эпистемологии, ее нельзя поставить в один ряд с другими популярными книгами по философии. Автор определяет свою позицию довольно радикально: «В действительности популярной философии нет, не может и не должно быть. Популярной философии больше не существует, как не существует популярной математики» (С. 9) и далее: «Философия не является простым предметом, и она должна быть элитистской, но не в том смысле, что она представляла бы собой занятие *harry few*, а в том, что она должна пройти через ряд специализаций» (С. 10).

Повышенный интерес к философии во Франции вызвал поток разного рода публикаций (от монографий до газетных и журнальных статей) и публичных выступлений (в телевизионных программах или в кафе), в которых философия определяется как поиск мудрости, в том числе и практической, и представляется предприятием, доступным каждому. «Эпистемология для Маркизы» во многом представляет собой ответ на это явление, причем ответ профессионального философа, полагающего, что философия должна оставаться делом профессионалов. Вопреки «популярным философам», центром внимания которых становятся «жизненные» проблемы и практическая философия, Анжель утверждает,

что именно решение серьезных теоретических задач является действительным предприятием профессионала. Поэтому он посвящает эту книгу своим студентам, а в качестве потенциальных читателей видит тех, кто уже знаком с некоторыми дискуссиями в рамках эпистемологии и философии науки и хотел бы продолжить свои философские изыскания. Взяв на себя роль Фонтенеля XXI в., Анжель рассматривает такие проблемы, как природа научных фактов и научного открытия, роль мысленного эксперимента, реализм и инструментализм в эпистемологии, связь науки и техники, и подробнее останавливается на ряде проблем современной астрономии и биологии.

Поясняя значение термина «эпистемология», который во французской философской традиции даже сегодня определяется как философская или критическая рефлексия над историей науки¹, Анжель указывает, что в данной работе он употребляется для обозначения «общей теории познания / знания», как это принято в англо-американском философском сообществе. Таким образом, Анжель противопоставляет себя не только популярной философии, но и академической традиции, в которой эпистемология как дисциплина ограничивается критическим исследованием истории науки².

¹ Это значение термина пришло во французский философский лексикон в 1920-х гг. и дается в одном из классических философских словарей под редакцией Андре Лаланда "Vocabulaire technique et critique de la philosophie". Последнее, 18-е издание (2010), содержит аналогичное определение. Те же определения термина «эпистемология» можно встретить в новых словарях по философии (см.: Dictionnaire des concepts philosophiques. 2e édition; M. Blay (ed.). Paris, 2007).

² Об исторической эпистемологии см.: Дроздова Д.Н. Александр Койре, ученик Эмilia Мейерсона: неизменность и историчность человеческого разума // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXI, № 1. С. 192–206.

Тем не менее большая часть бесед шевалье с маркизой посвящена именно проблемам и дискуссиям философии науки, что приближает данную книгу к французской философской традиции. Рассуждая о возможности философских исследований науки и научного знания, Анжель отмечает: «При современном развитии науки уже нельзя надеяться встретить философов, которые были бы компетентны более чем в одной или двух научных областях, и еще менее вероятно встретить тех, кто мог бы совмещать несколько стилей философии науки. Такой экуменизм в любом случае нежелателен. Философия науки интересна только тогда, когда она предлагает выбор и развивает какую-либо программу. Если можно набросать “фоторобот” действительно интересной книги по философии науки, я сказал бы, что она должна сочетать в себе научный реализм, но без наделения природы некими таинственными свойствами и силами, натуралистическую, но не редукционистскую концепцию духа и не жертвовать исследованием норм научного поиска в пользу описания научных практик» (С. 24).

Обозначенная здесь интенция сохраняется и в «Эпистемологии для Маркизы». Форма произведения, равно как и его структура, во многом заимствована у Фонтенеля. Диалоги тематически делятся на три части: натуральная философия; естественная история; наука, мораль и религия. Эти «эпистемологические беседы» представляют собой рассуждения маркизы, «оценившей работы Докинза об эволюции и Хокинга об истории времени» (С. 8), дополненные развернутыми комментариями профес-

сионального философа. Маркиза, стремясь систематизировать уже имеющиеся познания в области философии науки и получить новые, задается вопросами, которые резюмируют проблемы, стоящие перед философами XX в. Является ли наука продолжением здравого смысла? Каким образом существуют математические объекты? Случайны ли законы природы? И т.д. Ответы философа на эти вопросы и его комментарии к самостоятельным рассуждениям маркизы предлагают набросок различных типов решений данных проблем, но не окончательный ответ. Примечания отсылают читателя к дополнительной литературе (как к классическим философским текстам, так и к современным исследованиям). Форма свободной беседы, в ходе которой рассуждение переходит от одной темы к другой, позволяет более подробно останавливаться на различных аспектах философских проблем, рассматриваемых в рамках работы. В качестве тем, выбранных Анжелом для более детального анализа, в основном фигурируют распространенные среди популяризаторов научного мировоззрения сюжеты: теория Большого взрыва и опровержение креационизма, эксперимент Шредингера, дарвинизм и т.д.

Первая часть книги – «Натуральная философия» – посвящена рассмотрению наиболее общих проблем эпистемологии и философии науки. Начиная рассуждение со статуса научного знания и его связи со здравым смыслом, Анжель переходит к обзору различных гипотез в отношении научных открытий и фактов и предлагает классификацию определений научных фактов философами и эпистемоло-

гами. Несмотря на то что целью работы является проблематизация некоторых положений эпистемологии и знакомство читателя с возможными способами их решений, Анжель все же отстаивает ряд принципов, без которых, по его мнению, философия не может являться научным предприятием. К числу таких принципов относятся, в частности, научный реализм, которому противопоставляются разного толка конструктивистские концепции, а также привилегированный статус научного знания по отношению к другим видам знания. Отстаивая данные принципы, Анжель берет на себя непростую задачу: защиту научного статуса философского знания от критики со стороны «популярной» философии, которая, по его мнению, упрощает и тем самым обесценивает процесс философствования.

Во второй части («Естественная история») акцент ставится на рассмотрении различных аспектов дарвиновской теории в свете данных современной биологии. В частности, Анжель рассматривает такие проблемы, как возможность психологии животных, различие психологических процессов животных и человека, возможность наличия «языка» у животных и связь лингвистических теорий Хомского и Фодора с дарвиновской теорией эволюции³. К важным особенностям как первой, так и второй частей книги можно отнести преобладание отсылок на исследования английских и американских философов, в принципе

нехарактерное для французской философии, где преобладают в основном ссылки на французские и немецкие работы.

С точки зрения философской позиции самого Анжеля, наибольший интерес представляет третья часть «Эпистемологии для Маркизы», посвященная связи научного знания с моралью и религией. Здесь Анжель переходит от изложения современных эпистемологических концепций к развернутой аргументации против релятивизма и, в частности, социального конструктивизма, который, по его мнению, является следствием понимания эпистемологии как критической истории науки. Опровержение различных философских концепций релятивистского толка проходит лейтмотивом через все работы Анжеля⁴, равно как и требование сохранения понятия «истина» в философии: «Истина является нормой в самом что ни на есть банальном смысле: это то, что регулирует научное исследование, правила игры» (С. 145–146).

Социальный конструктивизм, одним из наиболее известных приверженцев которого во Франции является Бруно Латур, представляется Анжелю подрывающим основы как науки, так и философии, ориентирующейся на научные принципы. Поэтому для Анжеля защита научного реализма, эпистемологической привилегированности научного знания перед другими типами знания является одной из важных задач эпистемолога и философа науки. Для ее решения

³ Обозначенные здесь проблемы являются одной из важных тем для аналитических философов во Франции. См., например: Proust J. *Les animaux pensent-ils?* P., 2010.

⁴ Как наиболее известный пример можно упомянуть диалог с Ричардом Рорти: Engel P., Rorty R. *A quoi bon la vérité?* P., 2005.

Анжель предлагает обратиться к рассмотрению интеллектуальных добродетелей и обязательств, которые отрицаются представителями социального конструктивизма. Философы, социологи и историки науки «правы, когда говорят, что не существует эпистемического долга или обязательств в смысле категорических требований Республики ученых. [...] Но отсюда не следует ни то, что не существует норм в смысле минимальных требований и *desiderata* научного исследования, ни то, что не существует познавательных добродетелей, благодаря которым увеличиваются когнитивные ценности» (С. 175–176).

Итак, «фоторобот» идеальной книги по философии науки, речь о котором идет во введении, частично удалось воспроизвести. Ориентируясь как на классические просвещенческие образцы «популярных» книг по философии, так и на современных популяризаторов научного знания, Анжель предлагает читателю качественно составленный обзор современных концепций эпистемологии и философии науки, представленный в виде свободного рассуждения над проблемами, решить которые стремились и продолжают стремиться современные философы. «Популярность» данной книги, заключающаяся в диалогической форме изложения материала и местами ироничной стилистике текста, тем не менее, не упрощает ее концептуального содержания. Актуальность «Эпистемологии для Маркизы» для фило-

софской среды современной Франции заключается главным образом в двух аспектах. Во-первых, в знакомстве франкофонной философской публики с дискуссиями в области эпистемологии и философии науки, проходящими в англо-саксонском философском сообществе, а также исследованиями французских эпистемологов и философов науки, ориентированных на аналитическую философскую традицию. Несмотря на увеличение в последние годы количества такого рода ознакомительной литературы (как учебников, так и переводов ряда ставших классическими работ аналитической философии), она все же остается в меньшинстве. Во-вторых, в защите позиций научного реализма, чуждой как французской академической традиции эпистемологии и философии науки, так и представителям «популярной философии», разделяющим разного типа релятивистские концепции. Последняя задача принципиально важна для существования эпистемологии, равно как и философии, в качестве научной и академической дисциплины. Поэтому данная книга, ориентированная в первую очередь на тех, кто только вступает на путь профессиональных занятий философией или просто хочет узнать, что представляют собой современная эпистемология и философия науки, является хорошим проводником по проблемам и дискуссиям, волнующим философское сообщество.